

Howard Phillips
LOVECRAFT
1890 – 1937

Говард Филлипс
ЛАВКРАФТ

Мгла над Инсмутом

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л 13

Перевод с английского
О. Алякринского, О. Мичковского, Р. Шидфара

Серийное оформление В. Пожидаева

Оформление обложки В. Гореликова

Лавкрафт Г. Ф.

Л 13 Мгла над Инсмутом : рассказ, повесть, роман, сонеты / Говард Филлипс Лавкрафт ; пер. с англ. О. Алякринского, О. Мичковского, Р. Шидфара. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 352 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-10928-5

Говард Филлипс Лавкрафт, не опубликовавший при жизни ни одной книги, стал маяком и ориентиром жанра литературы ужасов, кумиром как широких читательских масс, так и рафинированных интеллектуалов. Влияние его признавали такие мастера, как Борхес, и такие кумиры миллионов, как Стивен Кинг, его рассказы неоднократно экранизировались, а само имя писателя стало нарицательным.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

© О. Алякринский, перевод, 2010, 2014
© О. Мичковский, перевод, 2010
© Р. Шидфар, перевод, 2010
© В. Дорогокупля, примечания, 2010
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-10928-5

СКИТАЛЕЦ ТЬМЫ

Посвящается Роберту Блоху

Зрила тьму распростертой Вселенной,
Где вращался планет легион —
Безрассудно заброшенных всеми,
Черных, не получивших имен.

«Немезида»¹

Осмотрительные дознаватели едва ли рискнут пойти наперекор общему мнению, согласно которому причиной смерти Роберта Блейка стала молния или сильное нервное потрясение, вызванное электрическим разрядом. Верно, что окно, у которого он стоял, осталось целым, однако природа не раз демонстрировала нам свою способность к необычайным феноменам. Выражение же его лица могло быть обусловлено неким рефлекторным сокращением лицевых мышц, причина коего могла и не иметь ни малейшего отношения к им увиденному, а вот иные записи в его дневнике, бесспорно, явились плодом его фантастических вымыслов, рожденных под влиянием местных суеверий, а также обнаруженных им древностей. Что же касается паранормальных явлений в заброшенной церкви на Федерал-Хилл, то проницательный аналитик без труда отметит их связь с шарлатанством, сознательным или невольным, к коему Блейк имел тайное касательство.

Ведь, в конце концов, несчастный был писателем и живописцем, всецело погруженным в области мифов, сновидений, кошмаров и суеверий, и в своих

¹ Перевод: Троя & П. Сатарова.

штудиях выказал сильную склонность к необычным сценам и эффектам. Его прежний приезд в этот город — с визитом к странному старику, так же как и он сам, интересующемуся оккультной и запретной мудростью, — сопровождался смертью в языках пламени, и, должно быть, он вновь прибыл сюда из родного Милуоки, подчинясь некоему мрачному инстинкту. Возможно, ему были известны какие-то предания, вопреки его утверждениям об обратном в дневниковых записях, а его гибель, вероятно, уничтожила в зародыше некую грандиозную мистификацию, приуготовленную обрести литературное воплощение.

Среди тех, однако, кто изучал и сопоставлял данные обстоятельства, остаются немногие упрямцы, отдающие предпочтение гипотезам менее рациональным и менее отвечающим здравому смыслу. Они склонны трактовать многие пассажи дневника Блейка в буквальном смысле и многозначительно указывают на некоторые факты, такие как несомненная подлинность старинных церковных книг, достоверное существование до 1877 года одиозной еретической секты адептов «Звездной Мудрости», как и задокументированное исчезновение в 1893 году чересчур дотошного репортера по имени Эдвин М. Лиллибридж и — самое главное — чудовищный, неопиcуемый ужас, запечатлевшийся на лице молодого журналиста в момент его смерти. Именно один из таких упрямцев, будучи склонным к фанатическим крайностям, выбросил в воды залива тот самый камень причудливой огранки вместе со странно изукрашенным металлическим ларцом, обнаруженным внутри шпиля старой церкви, — именно там, в черном шпиле без окон, а вовсе не в башне, где, как указывалось в дневнике Блейка, изначально хранились эти предметы. Сей ученый муж — знаменитый врач, имевший склонность к мистическим преданиям, чьи поступки вызывали большей

частью общественное порицание, — как прямо, так и косвенно уверял, будто избавил землю от чего-то чрезвычайно опасного, что не должно было долее на ней пребывать.

Из двух этих мнений читатель должен сам выбрать для себя то, которое ему больше по душе. В газетах факты были освещены с позиций скептиков, однако противоположный лагерь может сослаться на сохранившийся рисунок того, что увидел Роберт Блейк, — или того, что ему показалось, будто он увидел, — или что он себе вообразил. Теперь же, изучив его дневник более внимательно, бесстрастно и без спешки, можно восстановить всю цепь мрачных событий с точки зрения их основного участника.

Молодой Блейк вернулся в Провиденс зимой с 1934-го на 1935 год и обосновался на верхнем этаже старинного особняка, стоящего посреди зеленой лужайки неподалеку от Колледж-стрит — на гребне большого холма в восточной части города близ Браунского университета, как раз позади мраморного здания библиотеки Джона Хейя. Это было чудесное уютное жилище в самом сердце небольшого садового оазиса, изобилующего приметам сельской старины, где в солнечный день дружелюбные исполинские коты лениво грелись на крыше амбара. Он поселился в квадратном доме георгианского стиля, с прозрачной крышей, с классической дверью, обрамленной изумительными резными косяками, с окнами, сложенными из множества стеклянных квадратиков, и иными приметами зодчества начала девятнадцатого века. Внутри были большие комнаты, разделявшиеся дверьми о шести панелях, настланный широкими досками пол, изогнутая лестница колониальной поры и белые каминные в стиле Адама; к тому же имелось еще несколько задних комнат, расположенных на три ступеньки ниже основного уровня.

Кабинет Блейка, просторная юго-западная комната, выходил южной частью на сад перед домом, а западными окнами — перед одним из них стоял его письменный стол — на кромку холма, и за ним открывалась изумительная перспектива на городские крыши внизу и на таинственные закаты, полыхавшие вдаль. За крышами виднелись алые склоны холмов, и на их фоне, примерно в двух милях, высилась призрачная громада Федерал-Хилл, с поблескивающими гроздьями крыш и церковными шпилями, зыбкие очертания которых таинственно колыхались в окутывавших их клубах дыма, воспаряющих ввысь из печных труб и принимающих порой самые причудливые формы. У Блейка рождалось странное ощущение, что он наблюдает нечто неведомое, некий эфемерный мир, который может растаять, точно сон, если только он предпримет попытку найти его и вступить в его пределы.

Выписав из дому большинство своих книг, Блейк купил кое-какую старинную мебель, подходящую для его нового обиталища, и стал писать и рисовать, живя в полном уединении и самолично занимаясь нехитрыми домашними делами. Его спальня находилась в чердачном помещении северного крыла, где стеклянные панели прозрачной крыши давали чудесное освещение. В ту первую зиму на новом месте он создал пять из своих наиболее знаменитых повестей — «Пещерный житель», «Ступени склепа», «Шагтай», «В долине Пнат» и «Звездный сибарит» — и написал семь холстов: портреты неведомых монстров неземной наружности и в высшей степени странные пейзажи.

В закатный час он часто сиживал за своим столом и сонно смотрел на западный горизонт — на темные башни Мемориал-Холла, на колокольню георгианского здания городского суда, на высокие остроконеч-

ные башни в центральной части города и, разумеется, на те зыбкие глыбы увенчанных шпилями зданий вдалеке, чьи безвестные улицы и лабиринты фронтонов столь властно будоражили его воображение. От соседей он узнал, что дальний склон был когда-то обширным индейским поселением и многие тамошние строения сохранились еще со времен первых английских и ирландских поселенцев. Время от времени он наводил свою подзорную трубу на этот призрачный недостижимый мир за клубящейся завесой дыма, рассматривая отдельные крыши, печные трубы и шпили и размышляя о странных и любопытных тайнах, ими хранимых. Даже в окуляре оптического прибора Федерал-Хилл являлся Блейку чем-то неведомым, почти сказочным, имеющим тайную связь с потусторонними неосвязаемыми чудесами, коими буйная фантазия населила его литературные и живописные творения. И это ощущение не покидало Блейка даже после того, как город на холме растворялся в фиолетовых сумерках, а огни уличных фонарей, подсветка здания суда и красный прожектор Индустриального треста озаряли ночное небо причудливым заревом.

Из всех далеких зданий Федерал-Хилл воображение Блейка в особенности поражала одна большая темная церковь. Она была видна особенно четко в определенные часы суток, и на закате ее высокая башня и конический шпиль проступали черным силуэтом на пылающем небе. Казалось, она стоит на некоем возвышении, ибо фасад и едва видное северное крыло с покатою крышей и верхними рамами огромных сводчатых окон величественно вздымались над крышами соседних зданий и частоколом печных труб. В ее облике угадывалось нечто особенно мрачное и грозное, и она, казалось, была сложена из каменных глыб, за последние несколько веков исхлестанных суровыми ветрами и потемневших от копоти и сажи.

По стилю же, насколько позволяла разглядеть подзорная труба, это был образчик ранней экспериментальной неоготики, что предшествовала периоду величественных творений Апджона и позаимствовала некоторые линии и пропорции у Георгианской эпохи. Вероятно, постройка была возведена между 1810 и 1815 годами.

Шли месяцы, и Блейк всматривался в далекое строение со все возрастающим интересом. Так как огромные окна никогда не были освещены, он сделал вывод, что здание заброшено. И чем более он туда вглядывался, тем живее разыгрывалось его воображение, пока он наконец не начал измышлять самые диковинные вещи. Ему чудилось, будто над этим зданием витает аура унылого запустения, так что даже голуби и ласточки избегали укрываться под его закопченными карнизами. Направив подзорную трубу на соседние башни и колокольни, Блейк замечал стаи гомонящих птиц, но это здание они старались облетать стороной. Во всяком случае, так ему казалось, и это наблюдение он занес в свой дневник. Он порасспросил кое-кого из знакомых об этом строении, но никто из них не бывал на Федерал-Хилл и не имел ни малейшего понятия, что там за церковь.

Весной Блейком овладело глубокое смятение. Он начал давно задуманный роман — о возрождении в штате Мэн ведьмовского культа, — но странным образом его сочинение никак не двигалось вперед. Долгими часами он просиживал за своим столом перед западным окном, вглядываясь в далекий холм и в черную угрюмую колокольню, покинутую птицами. Когда же на садовых деревьях появились первые хрупкие листочки и весь мир наполнился новорожденной красотой, беспокойство Блейка лишь усилилось. Именно тогда-то ему в голову и пришла мысль пройти через

город и, поднявшись на тот холм, вступить в задымленный мир своих грез.

В конце апреля, как раз в канун мистической Вальпургиевой ночи, Блейк совершил первое путешествие в неведомое. Он долго брел по бесконечным городским улочкам, миновал унылые, заброшенные площади и наконец добрался до карабкающейся вверх по склону улочки, выложенной древними ступенями, вдоль которых толпились дома с покосившимися дорическими портиками и закопченными окнами в куполообразных крышах, — эта улица, как ему мнилось, должна была привести в давно его соблазнявший неведомый, недостижимый и укрытый туманной пеленой мир. Он видел выцветшие бело-голубые уличные таблички с надписями, не сообщавшими ему ровным счетом ничего, и вскоре заметил в толпе странные темные лица куда-то спешащих людей и иностранные вывески над витринами магазинов, разместившихся в бурых, покосившихся от времени домишках. Но Блейк не смог найти ничего из того, что виделось ему издалека, и в который уж раз он вообразил, что увиденный им из окон его дома Федерал-Хилл всего лишь бесплотный мир грез, куда никогда не ступит нога смертного.

На пути ему то и дело попадались облупившиеся фасады церквей или полуразрушенные колокольни, но черного громадного строения, которое он искал, нигде не было видно. Когда же он задал вопрос об огромном каменном храме некоему торговцу, тот только улыбнулся и как бы непонимающе покачал головой, хотя по-английски он говорил весьма сносно. Чем выше Блейк взбирался по склону, тем более причудливый вид обретали городские кварталы, а пугающий лабиринт угрюмых улочек, что вились в южном направлении, казался бесконечным. Он пересек два

или три широких проспекта, и раз ему даже почудилось, что впереди мелькнула знакомая башня. Блейк спросил у другого уличного торговца о каменном храме и на этот раз мог бы поклясться, что недоумение его собеседника было фальшивым. Смуглое лицо торговца омрачила тень страха, который тот попытался скрыть, и Блейк заметил, как он сотворил какой-то непонятный знак правой рукой.

И вдруг слева на фоне неба, высоко над бурными черепичными крышами, столпившимися вдоль бегущих к югу улочек, Блейк увидел черную громаду храма. Он тотчас же понял, что это, и по немощеным проулкам, ответвлявшимся от улицы, поспешил к храму. Дважды он сворачивал не в ту сторону, но чутье подсказало ему не спрашивать дорогу ни у старцев, ни у домохозяек, сидящих на крылечках у своих домов, ни у ребятни, копошащейся в дорожной грязи.

Наконец на юго-востоке он увидел черную колокольню: в конце улицы темнела исполинская каменная громада, и вскоре он уже стоял на продуваемой ветрами большой площади, мощенной брусчаткой и окаймленной вдали высокой насыпью. Его поиски завершились, ибо на широком, огороженном железными перилами и поросшем сорной травой плато, которым заканчивалась насыпь, — точно это был отдельный мирок, вознесенный на шесть футов над соседними улочками, — высился угрюмый исполин, чей облик, невзирая на иную перспективу, Блейк безошибочно узнал.

Заброшенная церковь находилась в последней стадии разрушения. Высокие каменные подпорки фасада давно обвалились, и изящные флероны валялись в траве и кустах. Закопченные готические окна в основном уцелели, хотя каменные средники большей частью отсутствовали. Блейк подивился, как это витражи

могли так хорошо сохраниться, учитывая известные повадки мальчишек всех поколений. Массивные двери были целы и плотно затворены. По верхнему краю насыпи, опоясывающей прилегающую к храму территорию, тянулась ржавая железная ограда, и калитка — у верхней ступеньки лестницы, поднимающейся от площади, — была заперта на висячий замок. Тропинка же от этих ворот к зданию совсем заросла травой. Все здесь было объято запустением и тленом, и, глядя на не оглашаемые птичьим гомоном карнизы и на увитые плющом стены, Блейк почувал едва ощутимый холодок некоего непонятного и зловещего предчувствия.

На площади были какие-то люди. Блейк замечет в северном углу полицейского и подошел к нему с намерением порасспросить о храме. Странно было видеть, как здоровенный ирландец в ответ только перекрестился и нехотя пробурчал, что люди предпочитают не интересоваться этим зданием. Когда же Блейк проявил настойчивость, полицейский уклончиво заметил, что священники-итальянцы настрого запретили местным жителям упоминать об этом храме, ибо некогда здесь обреталось исчадие зла и оставило там свои метки. Он, мол, и сам слышал о каком-то шепоте, доносящемся изнутри, — об этом ему когда-то поведал отец, вспоминая известные еще с детства слухи.

В стародавние времена в церкви хозяйничала какая-то дурная секта — запрещенное общество, члены которого вызывали ужасных духов из неведомых бездн ночи. Изгнать этих духов сумел один добрый священник, хотя были и те, кто утверждал, будто полностью изгнать зло из храма мог лишь дневной свет. Ежели бы пастор О'Малли был жив, он мог бы многое вспомнить. Но теперь-то благоразумнее обходить этот храм стороной. Нынче от него никому нет никакого вреда,

так как прежние его владельцы давно умерли или уехали из этих мест. В 1877 году они сбежали, точно крысы с тонущего корабля, опасаясь возмущения горожан, сильно обеспокоенных таинственными исчезновениями местных жителей. Настанет день, когда представители городских властей войдут в здание и конфискуют все имущество по причине отсутствия наследников, но ежели кто сделает это по собственному почину, то ничего хорошего не получится. Так что уж пускай себе стоит эта церковь да разрушается, и не надо тревожить то, чему должно вечно лежать не потревоженным в черной пучине.

Полицейский ушел, а Блейк долго еще стоял и глядел на мрачную громаду колокольни. Известие, что это здание и другим представлялось столь же зловещим, как и ему, привело его в необыкновенное возбуждение, и он гадал, какая толика истины скрывается в преданиях, поведанных ему «синим мундиром». Возможно, это всего лишь легенды, навеянные сумрачным обликом здания, но даже и в этом случае они представлялись странным воплощением его собственных вымыслов.

Дневное солнце выглянуло из-за рваных облаков, но оказалось неспособным осветить своими лучами закопченные стены старинного храма, вознесенного над высоким плато. И странно, что весенняя зелень не тронула бурую, иссохшую поросль в церковном дворе за железной оградой. Блейк словно против воли приблизился к возвышенности и стал изучать скаты насыпи и заржавленную ограду, надеясь обнаружить какой-нибудь проход внутрь. Черное святилище как будто источало ужасную притягательную силу, которой невозможно было противостоять. Вблизи лестницы в ограде не было ни щели, однако же с северной стороны нескольких прутьев не доставало. Он мог бы подняться по ступенькам вверх и по узкой кромке

вдоль ограды добраться до этого проема. Коли местные жители так страшатся этого храма, то ему наверняка удастся пройти туда беспрепятственно.

Блейк уже взобрался на насыпь и уже почти был готов пролезть через прореху в ограде, как вдруг его заметили. Глянув вниз, он увидел, как стоявшие на площади бросились прочь, делая правой рукой тот же тайный знак, что и заговоривший с ним давеча торговец. Окна в соседних домах захлопнулись, и какая-то полная женщина метнулась на улицу и увела своих чумазых ребятишек в некрашенный покосившийся домишко. Дыра в ограде оказалась довольно широкой, и протиснуться в нее было просто, так что очень скоро Блейк брел по густой высокой траве. Попадавшиеся ему на пути выщербленные надгробия свидетельствовали, что некогда тут находилось кладбище, впрочем, как стало ясно с первого взгляда, это было очень-очень давно. Вблизи исполинский храм нависал над ним массивной громадой, и он даже немного испугался, но взял себя в руки и, подойдя вплотную, решил подергать одну за другой все три массивные двери на фасаде. Двери были заперты, так что он двинулся вокруг циклопического здания, надеясь найти хотя бы небольшой лаз. Но даже и тогда он еще не был уверен, что хочет проникнуть в мрачную цитадель запустения и мрака. В то же время это в высшей степени странное сооружение влекло его к себе с neodолжимой силой.

Зияющее и ничем не прикрытое подвальное окошко на задах могло послужить искомым лазом. Заглянув в него, Блейк увидел затянутый паутиной и пылью подвал, тускло освещенный с западной стороны лучами предзакатного солнца. В глаза ему бросилась какая-то рухлядь, старые бочки, полусгнившие короба и бесчисленные стулья, шкафы, столы, причем все было покрыто толстой пеленой пыли, смягчающей резкие

контуры предметов. Проржавевшие останки печи показывали, что здание когда-то было жилым и содержалось в порядке по крайней мере до середины Викторианской эпохи.

Действуя почти бессознательно, Блейк пролез в окошко и опустил ноги на бетонный пол, покрытый ковром пыли и усеянный обломками древней рухляди. Сводчатый подвал оказался довольно просторным помещением без внутренних перегородок, а в дальнем углу справа, среди темных теней, он разглядел узкий черный арочный проход, по-видимому к лестнице наверх. Попад в это призрачное здание, Блейк ощутил в душе щемящую тревогу, но, совладав со своим страхом, стал осторожно осматриваться. В пыльной куче хлама он нашел еще прочную бочку и подкатил ее к окну, дабы подготовить себе путь к отступлению. Затем он собрался с духом и, разрывая плотную завесу паутины, пересек подвальное помещение к арке. Едва не задохнувшись от пыли и ощущая на лице липкие обрывки паутины, он добрался до лестницы и начал подниматься по выптербленным каменным ступеням, тонущим во тьме. Фонаря у него не было, и он шел наобум. После резкого поворота ступенек Блейк нащупал запертую дверь и, пошарив пальцами, наткнулся на древнюю щеколду. Дверь отворялась внутрь, и за ней он увидел тускло освещенный коридор. Коридор был обшит деревянными панелями, изъеденными прожорливыми древесными жучками.

Поднявшись на первый этаж, Блейк спешно стал его обследовать. Все внутренние двери оказались не заперты, и он свободно переходил из зала в зал. Колоссальный неф производил жуткое впечатление из-за многолетней пыли, плотным слоем покрывшей логи прихожан, алтарь, резной амвон и орган, и из-за исполинских сетей паутины, протянувшихся между арок

галереи и опоясывавших готические колонны. И на всем этом безмолвном запустении играли пугающе-таинственные лучи заходящего солнца, что пробивались сквозь потемневшие витражи огромных апсидных окон.

Витражи были настолько закопчены, что Блейк с трудом распознал некоторые изображения, но даже то немного, что удалось разглядеть, очень ему не понравилось. Рисунки были в общем довольно традиционными, и, разбираясь в тайном смысле магического символизма, он узнал многое, что относилось к древнейшим сюжетам. Выражение лиц некоторых святых на витражах было откровенно греховным, а одно окно, похоже, изображало просто темную бездну, прорезанную спиралями неясного света. Отворотившись от окон, Блейк заметил, что покрытый паутиной крест над алтарем был не вполне обычного вида и напоминал древний анк, или *cruce ansata* древних египтян.

В ризнице, рядом с апсидой, Блейк обнаружил полусгнивший письменный стол и высокие, под потолок, стеллажи со старинными фолиантами, все траченные жучками, а многие и с распавшимися листьями. Здесь впервые он испытал самый настоящий шок от объявшего его ужаса, ибо названия сих книг сразу сообщили ему о многом. То были запретные «черные» сочинения, о которых большинство здравомыслящих людей никогда не слыхало либо же слыхало лишь обрывочные упоминания вполголоса; то были устрашающие своды древнейших секретов и формул, которые поток времени донес до нас из поры ранней юности человечества и из тех дремучих былинных дней, когда и человека еще не было на земле. Блейк и сам читал многие из них — латинскую версию кошмарного «Некрономикона», и зловещую «*Liber Ivonis*», и одиозные «*Cultes des goules*» графа

д'Эрлетта, и «Unaussprechlichen Kulten» фон Юнцта, и дьявольские «De Vermis Mysteriis» старика Людвига Принна. Но были тут и прочие книги, о которых он знал лишь понаслышке или вовсе не знал, — Пнакотикские рукописи, «Книга Дзяна», а также полустлевший том, чьи страницы были заполнены совершенно непонятными иероглифами, хотя иные из символов и диаграмм, к ужасу своему, мог бы узнать любой изучающий оккультные науки. Теперь Блейку было вполне ясно, что передававшиеся из уст в уста местные предания не лгали. Это страшное место некогда было пристанищем зла, что древнее рода человеческого и необъятнее познанного мира.

В дряхлом столе Блейк обнаружил небольшую записную книжку в кожаном переплете, испещренную странными криптографическими записями. Рукописный текст представлял собой вереницу традиционных символов, используемых ныне в астрономии, а в древности употреблявшихся в алхимии, астрологии и прочих оккультных науках, — то были знаки солнца, луны, планет, аспектов и зодиакальных созвездий; здесь же иероглифы плотно занимали каждую страничку, и весь этот загадочный текст был разделен на параграфы, из чего следовало, что каждый символ соотносится с некоей буквой алфавита.

В надежде разгадать криптограмму позднее, Блейк положил книжку в карман пиджака. Многие книги на полках невероятно возбудили его любопытство, и он испытал сильное искушение как-нибудь потом позаимствовать себе иные из них. Его удивило, как это они смогли простоять тут нетронутыми в течение столь длительного времени. Неужто он первый, кому довелось приоткрыть завесу гнетущего всеохватного страха, которая на протяжении почти шестидесяти лет охраняла это место от непрошенных посетителей?

Тщательно обследовав нижний этаж, Блейк проторил тропу в пыльной толще призрачного нефа в зал, где он ранее заметил дверь и лестницу, по-видимому ведущую в черную башню и на колокольню, которые уже давно были ему знакомы. Восхождение по лестнице далось ему с превеликим трудом, он задыхался, ибо повсюду плотным слоем лежала пыль, а пауки потрудились на славу, плотно задрапировав узкий проход. Высокие деревянные ступени вились спиралью, и Блейк раз за разом проходил мимо закопченного оконца, в котором смутно маячил лежащий внизу город. Хотя он и не приметил, находясь внизу, никаких веревок, он все же ожидал увидеть в башне, на узкие бойницы которой так часто направлял свою подзорную трубу, колокол или куранты. Но его ждало разочарование, ибо, добравшись до верхней ступени лестницы, он оказался в башенном зале без всяких признаков часов — он был явно предназначен для каких-то иных целей.

Помещение площадью около пятнадцати квадратных футов было тускло освещено светом из четырех бойниц — по одной на каждой стене, — с плотными, покрытыми изнутри глазурью деревянными ставнями, которые в свою очередь были защищены темными ширмами, теперь уже порядком истлевшими. Посреди покрытого пылью пола возвышался странного вида трапецевидный каменный постамент четырех футов в высоту и двух в диаметре, причем каждая его сторона была покрыта причудливыми, грубо высеченными и невразумительными иероглифами. На постаменте покоился металлический ларец нарочито асимметричной формы. Его крышка на петлях была откинута, и внутри ларца находилось нечто, что под слоем многолетней пыли казалось то ли яйцеобразным, то ли неправильно сферическим предметом четырех дюймов в обхвате. Вокруг постамента неровным кругом

выстроились семь готических кресел с высокими прямыми спинками, еще почти не тронутыми временем, а позади них вдоль обшитых темными досками стен высились семь колоссальных изваяний из потрескавшегося и выкрашенного в черный цвет гипса, напоминавших загадочных каменных истуканов с таинственного острова Пасхи.

В дальнем углу вымощенного камнем зала в стену была вделана лесенка, ведущая к закрытому люку в незаконный шпиль наверху.

Когда глаза Блейка привыкли к тусклому освещению, он заметил причудливые барельефы на стенках диковинного ларца из желтоватого металла. Подойдя поближе, он стал расчищать пыль руками и носовым платком и только потом разглядел, что на стенках ларца выбиты какие-то неведомые чудища. Изображенные на ларце уродцы, хотя явно имели сходство с живыми тварями, не походили ни на одно из известных земных существ. Четырехдюймовый же сфероид внутри ларца оказался черным с красными прожилками полиэдром со множеством неровных граней — это был то ли необычный кристалл, то ли рукотворная поделка, вырезанная из тщательно отполированного минерала. Камень не касался дна, а был подвешен с помощью металлических лент и семи странного вида подпорок, горизонтально вделанных в углы ларца ближе к крышке. Этот камень, когда Блейк увидел его вблизи, вызвал у него тревожное возбуждение. Он не мог оторвать от него глаз и, глядя на его сверкающие грани, почти воочию представлял его себе прозрачным вместилищем бездонного мира чудес. В его сознании вдруг возникли ландшафты неведомых планет с гигантскими каменными башнями, и иных планет с исполинскими горами без всяких признаков жизни, и еще более далекие просторы Вселенной, где лишь

едва уловимое волнение в бездонной сумрачной тьме говорило о наличии там разума и воли.

Отведя взгляд, Блейк тотчас заметил холмик праха в дальнем углу, прямо под ведущей к шпилью лесенкой. Он не мог понять, отчего эта кучка праха привлекла его внимание, но от нее точно исходил некий тайный сигнал, направленный прямо в его подсознание. Он двинулся вперед, раздвигая свисающие клоchy паутины, и по мере приближения к холмику праха ему все отчетливее открывался мрачный смысл его находки. Смахнув верхний слой пыли рукой и платком, Блейк наконец узрел тайну и задохнулся от прилива смешанных чувств. Это был человеческий скелет, который, по-видимому, пролежал тут довольно долго. Одежда на нем истлела, но по пуговицам и остаткам ткани можно было судить, что некогда это был серый костюм. Имелись и еще кое-какие предметы — башмаки, металлические застёжки, крупные запонки, булавка для галстука, журналистский значок с выбитым на нем названием старой «Провиденс телеграм» и полуистлевшая кожаная записная книжка. Блейк раскрыл книжку и, внимательно осмотрев, обнаружил несколько банкнот старого выпуска, целлулоидовый рекламный календарь на 1893 год и несколько визитных карточек на имя Эдвина М. Лиллибриджа, а также листок бумаги с карандашными пометами.

Листок был покрыт записями, немало озадачившими Блейка, и он внимательно прочитал их при тусклом свете, пробивающемся из западной бойницы. Бессвязный текст содержал нижеследующие фразы:

«Проф. Енох Боуэн вернулся домой из Египта в мае 1844 — купил старую церковь Свободной Воли в июле — его археологические труды и изыскания по оккультизму хорошо известны.

Д-р Драун из 4-й Баптистской в проповеди 29 дек. 1844 предостерегает о „Звездной Мудрости“.

Община числом 97 к концу 45.

1846 — трое исчезли — первое упоминание о Сияющем Трапецоэдре.

Семеро исчезли в 1848 — пошли разговоры о кровавых жертвоприношениях.

Расследование 1853 ни к чему не пришло — разговоры о каких-то звуках.

Отец О’Малли рассказал о поклонении дьяволу посредством ларца, обнаруженного в египетских развалинах, — утверждает, что можно вызвать нечто, что не может существовать при дневном свете. От слабого света ускользает, на ярком свете изгоняется. Потом приходится вызывать вновь. Вероятно, узнал об этом из предсмертной исповеди Френсиса Финна, вступившего в „Звездную Мудрость“ в 49-м. Эти люди говорили, что Сияющий Трапецоэдр являл им небо и иные миры и что Скиталец Тьмы раскрывает им какие-то тайны.

История Оррина Б. Эдди, 1857. Они вызывают это, глядя в кристалл, и общаются на тайном языке.

200 или более в общине 1863, за исключением мужчин на фронте.

Толпа ирландцев учинила погром в храме в 1869 после исчезновения Патрика Рейгана.

Завуалированная статья в Дж. 14 марта 72, но о ней никто не говорит.

Шестеро исчезли в 1876 — тайный комитет обратился к мэру Дойлу.

Февраль 1877 — обещает принять меры — храм закрыт в апреле.

В мае местная банда — „Ребята с Федерал-Хилл“ — угрожает д-ру и ризничим.

181 чел. покинули город до конца 77-го — имен не называют.

Ок. 1880 пошли рассказы о привидениях — проверить, правда ли, что с 1877 ни один человек не входил в храм.

Попросить у Ланигана фотографии храма, сделанные в 1851...»

Вложив лист в записную книжку и отправив ее в карман пиджака, Блейк затем обратил свой взор на истлевший скелет. Смысл заметок был ему вполне ясен, и он уже не сомневался, что этот несчастный сорок два года назад пришел в заброшенное здание в поисках газетной сенсации, на что никто, кроме него, не отважился бы. Возможно, никто и не знал о его намерениях. Но он не вернулся в редакцию. Может быть, им все же овладел до поры до времени подавляемый страх и, испытав сильнейший шок, он умер от внезапного разрыва сердца? Блейк нагнулся над белыми костями и заметил, что они в довольно странном состоянии. Иные из них были сильно раздроблены, иные на концах были как *будто расплавлены*. Многие оказались причудливого желтоватого оттенка, с неотчетливыми признаками обожженности. Обожжены были также и ключья одежды. Особенно поразил его череп, покрытый желтоватыми пятнами, с обугленным отверстием на темени, точно какая-то сильнодействующая кислота мгновенно прожгла кость. Что же происходило здесь со скелетом за истекшие четыре десятилетия, Блейк не мог даже вообразить.

Поддавшись безотчетному инстинкту, он вновь перевел взгляд на камень, и под его непостижимым влиянием у него в мозгу явилось туманное видение. Он увидел фигуры в клобуках, которые своим видом не походили на людей, и бескрайнюю пустыню, испещренную высокими, до небес, резными каменными монолитами. Он увидел башни и стены в мрачных безднах под морским дном и круговерти пространств,

где клочья черного тумана клубились на фоне холодного алого зарева. А позади всего этого он узрел бездонную пучину тьмы, где твердые и текучие формы можно было различить лишь по их воздушному кружению, и неосязаемые могучие силы, казалось, упорядочивали этот безграничный хаос и давали ключ ко всем парадоксам и тайнам ведомого нам мира.

Неожиданно на Блейка нахлынул щемящий неясный панический ужас, и чары рассеялись. У Блейка перехватило дыхание, и он отвернулся от камня, ощутив присутствие некоего бесплотного пришельца, который глядел на него невыносимо пристальным взглядом. Блейк ощутил себя во власти некоего существа, не таящегося в камне, но как бы сквозь этот камень вперившего в него свой взор, — некоего существа, обещавшего бесконечно преследовать его и следить за ним, не принимая физического облика. Положительно это мрачное место начало дурно влиять на его нервы, чего и следовало ожидать после такой зловещей находки. А тут еще и дневной свет стал меркнуть, и, поскольку у Блейка с собой не было никакого светильника, ему разумнее всего было поскорее покинуть храм.

И вот тогда-то в сгущающихся сумерках Блейку показалось, что он заметил слабый отблеск сияния, исходящего из причудливо ограненного камня. Он попытался отвести глаза, но некая могучая сила точно приковала его взгляд. Может быть, это слабое радиоактивное фосфоресцирование? И как там говорилось в заметках мертвеца о Сияющем Трапецоэдре? Что же это, в конце концов, за покинутый приют вселенского зла? Что творилось здесь в стародавние времена и что до сих пор таится в его безмолвных мрачных углах? И теперь ему показалось, что он ощущает почти неуловимое зловонное дуновение, хотя источник

дурного запаха был ему неведом. Блейк ухватился за крышку ларца и резко захлопнул ее. Крышка легко поддалась и плотно захлопнулась над теперь уже всю сиявшим камнем.

От громкого металлического лязга сверху точно что-то дрогнуло, и из-за закрытого люка, из вечного мрака шпиля, донесся тихий шорох. То были, несомненно, крысы, единственные живые твари, обнаружившие свое присутствие в этом проклятом месте с той самой минуты, как Блейк переступил порог колокольни. И тем не менее этот шорох ужаснул его несказанно, так что он, не помня себя, бросился вниз по винтовой лестнице, быстро пересек жуткий неф, нырнул в сводчатый подвал, выбежал на объятую сумерками безлюдную площадь и помчался по пугающим переулочкам и проспектам Федерал-Хилл к мирным оживленным улицам и к родным кирпичным тротуарам академического квартала.

В последующие дни Блейк никому ни словом не обмолвился о своей экспедиции. Он читал книги, изучал в городской библиотеке подшивки газет за многие годы и лихорадочно разгадывал криптограмму из кожаной записной книжицы, которую он обнаружил в церкви на покрытом паутиной столе. Шифр, как сразу понял Блейк, был не из простых, и после долгих попыток его разгадать он убедился, что зашифрованные записи сделаны не на английском языке, а также не на латинском, греческом, французском, испанском, итальянском или немецком. Вполне очевидно, что ему необходимо было использовать всю свою незаурядную эрудицию.

Каждый вечер его посещало прежнее желание вглядываться в западное окно, и он видел древний черный шпиль над поблескивающими крышами далеко-го и почти призрачного мира. Но теперь это видение

внушало ему неведомый ранее ужас. Он ведь знал теперь, какое наследие дьявольской мудрости там скрывалось, и от осознания этого его воображение рождало образы самого необычного и гротескного свойства. Возвращались перелетные птицы, и, наблюдая за их полетом на закате, он отчетливее, чем когда-либо раньше, представлял, как они стараются облетать стороной одинокую колокольню. Стоило птичьей стайке подлететь к колокольне поближе, казалось Блейку, как они в панике упархивали врассыпную, и ему мнилось их перепуганный щебет, который не долетал до него за многие мили, отделявшие его от того места.

В июне в дневнике Блейка появилась запись об одержанной им победе над криптограммой. Этот текст, как он обнаружил, был составлен на темном языке акло, использовавшемся древними идолопоклонниками сатанинских культов и в самых общих чертах известном ему по прошлым его изысканиям! Дневник странным образом умалчивает о содержании расшифрованного Блейком текста, но он явно был глубоко взволнован и одновременно обескуражен результатами своих трудов. Там есть упоминания о некоем Скитальце Тьмы, явившемся ему при созерцании Сияющего Трапецоэдра, и безумные домыслы о мрачных безднах хаоса, из которых тот прибыл. Это существо, по его словам, обладало всеми знаниями мира и алкало чудовищных жертв. Некоторые записи Блейка свидетельствуют о его опасениях, как бы тварь, которую, как ему представлялось, он призвал, не вырвалась на волю, хотя при этом он отмечает, что свет уличных фонарей создает для нее непреодолимую преграду.

О самом же Сияющем Трапецоэдре он упоминает довольно часто, не раз называя его «окном времени и пространства», и прослеживает его историю с той

стародавней поры, когда его подвергли огранке на темном Юготе, прежде чем Старцы принесли его на землю. Звездоголовые обитатели Антарктики поклонялись ему и схоронили в диковинном ларце, обнаруженном затем змеелюдьми Валузии в руинах их поселений, а потом в Лемурии первые представители земного рода человеческого прозревали в нем тайны вечности. Его переносили через неведомые моря и неведомые земли, он утонул в океанской пучине вместе с Атлантидой, а потом миносский рыбак поймал его в свою сеть и продал смуглоликим купцам из сумрачного Хема. Фараон Нефрен-Ка выстроил для него храм с саркофагом без окон, и за сие деяние его имя было сбито со всех памятных скрижалей и стерто из всех летописей. Потом камень пролежал под руинами того святотатственного святилища, которое жрецы и новый фараон сровняли с землей, до той самой поры, когда праздная лопата извлекла его вновь на погибель человечеству.

Газетные статьи начала июля некоторым образом дополнили записи Блейка, однако столь кратко и невнятно, что лишь обнародованный дневник покойного привлек внимание публики к этим публикациям. Похоже, что после того, как непрощенный гость вторгся в проклятый храм, Федерал-Хилл вновь оказался во власти страха. Итальянцы шептались о необычном шорохе, стуке и скрежете в темном безоконном шпиле и призывали своих священников изгнать призраков, посещавших их в дурных снах. По их уверениям, что-то постоянно показывалось из дверей храма, дабы удостовериться, достаточно ли стемнело на улице и можно ли выбраться наружу. В газетных заметках упоминались живучие местные суеверия, однако никто не объяснял первопричину их происхождения. Было совершенно ясно, что молодые репортеры не давали

себе труда заглянуть в глубь прошлого. Ссылаясь на эти публикации в своем дневнике, Блейк почему-то пишет о гнетущем его чувстве раскаяния и рассуждает о необходимости погребения Сияющего Трапецоэдра и изгнания вызванного им исчадия зла силой дневного света, проникшего в ужасный законопаченный шпиль. В то же время, однако, он выказывает чересчур неумеренное возбуждение и даже признается в противоестественном желании — не отпускаявшем его даже во сне — вновь посетить проклятую башню и заглянуть в космические тайны сияющего камня.

А затем крошечная публикация в «Джорнал» утром семнадцатого июля повергла автора дневника в шок. То был очередной перепев почти что комичной темы об охватившей Федерал-Хилл тревоге, однако Блейк воспринял его как нечто воистину чудовищное. Во время ночной грозы во всем городе на целый час погасло уличное освещение, и в эту краткую пору кроме мрака тамошние итальянцы от ужаса едва не лишились рассудка. Живущие вблизи проклятого храма божились, что обретающееся в шпиле чудовище воспользовалось временным отключением электричества и спустилось в нижний зал церкви, издавая чудовищный стук и грохот. Напоследок оно с грохотом поднялось в башню, где раздался звон быющего стекла. Во мраке оно могло перемещаться куда угодно, и только свет неизменно понуждал его к отступлению.

Когда по проводам вновь побежал электрический ток и вновь ярко вспыхнули уличные фонари, в башне что-то заметалось и ужасно загрохотало, ибо даже слабый отблеск света, просочившегося сквозь закопченные бойницы, оказался невыносимым для этой твари. Чудовище шумно проскользнуло в свое сумеречное убежище в шпиле как раз вовремя — ибо яркий сноп света мгновенно зашвырнул бы его обратно

в бездну тьмы, откуда оно и явилось, вызванное безумцем. Пошел дождь. В сгустившейся тьме толпы молящихся собрались вокруг храма с зажженными свечами и фонарями, кое-как прикрыв их сложенными газетами и зонтиками — точно выставив световой дозор для спасения города от скитающегося во мраке кошмара. Один раз, как утверждали люди, стоявшие ближе всего к храму, где-то внутри здания с чудовищным грохотом хлопнула дверь.

Но даже это было не самое страшное. Вечером того же дня в «Баллетине» Блейк прочитал о находке репортеров. Наконец-то не устояв перед искушением добыть сенсационный материал о нависшей над городом угрозе, двое смельчаков, презрев предостережения взволнованных итальянцев, после тщетных попыток отворить двери храма пробрались внутрь через подвальное окошко. Там они и увидели, что плотный слой пыли на полу в переднем зале и призрачном нефе весь изборозжен странными следами, а полуистлевшие подушки кресел и атласная обивка лож разодраны в клочья и их останки беспорядочно разбросаны повсюду. Везде стоял мерзкий смрад, виднелись желтоватые потеки, а на полу темнели точно выжженные пятна. Открыв дверь в башню и на некоторое время замерев на месте, ибо им почудилось, будто наверху кто-то скребется, репортеры обнаружили, что с узкой винтовой лестницы кто-то недавно смахнул пыль.

И в помещении внутри башни пыль также была местами стерта. Репортеры поведали о восьмиугольном каменном постаменте, и о перевернутых готических креслах с высокими спинками, и о диковинных гипсовых изваяниях, — но самое удивительное, что ни обезображенный скелет, ни металлический ларец в их заметке упомянуты не были. Но более всего встревожила Блейка — помимо ссылок на желтоватые пятна, обугленные следы и дурной запах — последняя

СОДЕРЖАНИЕ

СКИТАЛЕЦ ТЬМЫ. Рассказ. <i>Перевод О. Алякринского</i> . . .	5
МГЛА НАД ИНСМУТОМ. Повесть. <i>Перевод О. Алякринского</i>	41
ИСТОРИЯ ЧАРЛЬЗА ДЕКСТЕРА ВАРДА. Роман. <i>Перевод Р. Шидфара</i>	140
ГРИБЫ С ЮГГОТА. Сонеты. <i>Перевод О. Мичковского</i>	319
Примечания. <i>В. Дорогокупля</i>	338

Литературно-художественное издание

ГОВАРД ФИЛЛИПС ЛАВКРАФТ
МГЛА НАД ИНСМУТОМ

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Маргарита Ахметова, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 31.07.2018. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 15,51. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93

www.oaompk.ru, www.oaompk.ru

Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-AKB-18960-05-R